

УДК 115. 4

ДИХОТОМИЯ «ГЛОБАЛЬНОЕ/ЛОКАЛЬНОЕ»: К ВОПРОСУ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ

Л.Г. Кирьянова

Томский политехнический университет

E-mail: kiriyanova@tpu.ru

Статья посвящена анализу контекста и причин формирования дихотомии «глобальное/локальное» как базовой категории концепции глобализации. Анализируется процесс кардинальной трансформации пространственно-временных отношений, вызвавший, в свою очередь, трансформацию взаимоотношений между людьми, местом, где они физически живут, и их социальными и культурными практиками. Рассматривается развитие процесса трансформации с исторической перспективы, представляется социально-философский анализ сути современной пространственно-временной компрессии и ее последствий.

«Глобализация» является одним из самых популярных понятий-концепций современного научного дискурса. Это ключевая концепция, в рамках которой объясняются и рассматриваются практически все феномены современной социальной жизни — от мировой финансовой системы до миграционных процессов. Несмотря на такое широкое использование данного концепта на настоящий момент философски не отрафлексирована базовая дихотомия концепции глобализации — глобальное/локальное. Именно на сочетании и противопоставлении «локального» и «глобального» строятся все теории глобализации вне зависимости от контекстуальной принадлежности.

Значительное понимание сути любого философского понятия дает рассмотрение причин и контекста его формирования. Дихотомия глобальное/локальное является достаточно новой философской категорией. Новая она не только относительно времени появления в научном дискурсе и рефлексии по ее поводу, а также потому, что ранее в социальной действительности просто не существовало тех процессов и явлений, для характеристики которых предназначена дихотомия глобальное/локальное. Изначально обозначим, что данная дихотомия предназначена для типологизации пространственной организации и структуры современных социальных взаимоотношений и взаимосвязей [1]. Появление дихотомии глобальное/локальное связано с кардинальными трансформациями, оформившимися не более 20–30 лет назад. Во-первых, с кардинальной трансформацией отношений между двумя базовыми онтологическими категориями — время и пространство. Во-вторых, вызванная этим трансформация взаимоотношений между людьми, местом, где они физически живут, и их социальными и культурными практиками.

До современного периода (премодерн), повседневная практика людей, их культурный опыт были полностью связаны с конкретной относительно небольшой территорией — квартал, деревня, город. Люди не только физически действовали в рамках данной ограниченной территории, их культурный и социальный опыт также ограничивался только одной конкретной территорией. Общение в основном носило непосредственный межличностный харак-

тер. Культурные взаимоотношения между отдельными локальностями также были значительно ограничены, в основном по причине географических факторов. Уровень развития транспортной и медиа систем сильно ограничивал возможности населения в расширении территориальных границ своих социальных и культурных практик [2]. Однако значительную роль играло и определенное сопротивление взаимодействию с «другими».

Во времена премодерна пространство рассматривалось в рамках относительно автономного сообщества, которое включало в себя четкую систему экономических, политических и религиозных прав и обязанностей. Организация и измерение времени было определено ритмами жизни данного сообщества и, соответственно, жестко связано с конкретным местом жизнедеятельности данного сообщества. Было практически невозможно указать время без референции к контексту жизнедеятельности конкретной локальности (после обеда, когда вернется стадо с пастбища и др.) или к природным маркерам времени, которые также отличны в разных географических точках (до восхода Солнца, после заката и т. д.).

В тех же частях мира, где наблюдались межкультурные интеракции, они основывались на дальних и очень продолжительных путешествиях людей, товаров. Относительно интенсивное и длительное культурное взаимодействие в то время в основном обеспечивалось двумя силами — войной и религиозными движениями, которые иногда в качестве инструмента распространения религии использовали ту же войну [3. С. 27]. Очевидно, что интерлокальное взаимодействие осуществлялось и в те времена благодаря торговцам, пилигримам и воинам. Однако очевиден и тот факт, что это взаимодействие между разделенными пространством локальностями требовало очень значительных затрат, времени и усилий. К тому же в таком взаимодействии принимало участие ограниченное число людей. Жизнь локальностей — деревень, городов и даже стран носила относительно закрытый характер, степень влияния на них других территорий была минимальна. Пространство за рамками данного сообщества было для его членов неопределенным, практически не существовало, это же самое касается и времени.

В XV–XVI вв. ситуация в некоторой степени стала меняться. Локализованные концепции пространства претерпели изменения, когда европейские путешественники и мореплаватели обнаружили ограниченность пространства Земли, появились относительно четкие контурные карты территории Земли. Улучшение системы мореплавания, помноженное на развитие географических знаний, привело к возможности путешествовать на далекие расстояния, использовать другие территории, насколько это позволяли пределы территории уже практически всей планеты. Это первое преодоление пространственных ограничений привело к значительному росту движения денег, торговли, завоеваний, миграции, что в свою очередь обусловило становление и развитие более интенсивных межкультурных и транслокальных отношений. Совершенствование транспортных и коммуникационных систем способствовало становлению системы колониализма, обеспечив мощным перманентный поток людей, идей, товаров между метрополиями и колониями. Колониальная система в значительной степени преодолела автономность локальностей — в существование ранее автономных и самодостаточных социально-культурных образований стали вмешиваться внешние силы.

Изменения затронули и существовавшую ранее локализованную концепцию времени. Широкое распространение механических часов (что датируется примерно XVIII в.) изменило восприятие времени и представило его как линейный и универсальный процесс. Механические часы сделали время абстрактным, освободили его измерение от локального контекста. Так, именно универсализация измерения времени на различных географических территориях (локальностях) во многом способствовала развитию железнодорожного сообщения, в основу которого положено жесткое «расписание» [2. С. 50].

Однако мир все еще представлял собой совокупность достаточно четко локализованных во времени и пространстве явлений, процессов и практик. Повседневные социальные практики людей, их культурный опыт были жестко связаны с местом проживания.

С наступлением так называемого «печатного капитализма» (эпоха «галактики Гуттенберга» в терминах М. Макклюза) в мире появилась новая сила, сила массовой печати и сопровождающая ее возможность создание эффекта социально-культурной близости и идентичности вне рамок непосредственного межличностного общения. Но «печатный капитализм» и предоставленные им возможности дистанцированного общения и формирования культурной близости между разделенными в пространстве людьми был лишь предвестником тех колоссальных трансформаций, который мир переживает сегодня. За последние 20–30 лет мир стал свидетелем технологической революции, в основном в сфере информационных и коммуникационных техно-

логий. Появление радио, телевидения, спутникового вещания, глобальных телевизионных сетей типа CNN сделали всемирное распространение информации абсолютно реальным. Другим принципиально важным изобретением стал Интернет. Его важнейшими особенностями является возможность доступа к неограниченному потоку информации с любой точки планеты, мгновенное интерактивное общение людей в независимости от расстояния между ними, а также невозможность контроля и доминирования какого-то определенного актора. При этом стоимость Интернет коммуникации в целом достаточно низкая. Еще одним изобретением, которое разрушило представления людей о пространстве, является мобильная и спутниковая телефонная связь, делающая человека доступным для мгновенной интерактивной коммуникации в любое время в любом месте. Развитие транспортных технологий, выраженное в значительном увеличении скорости и снижении стоимости передвижения, вызвали колоссальное движение товаров и людей во всех возможных направлениях и через все виды государственных, территориальных и национальных границ.

Развитие коммуникационных и медиа технологий, транспортной системы, интенсификация товарных и финансовых потоков, идущих через границы национальных государств, рост числа международных организаций в итоге привели к принципиальным качественным изменениям пространственной организации и структуры социального взаимодействия как на уровне повседневной практики людей, так и на уровне взаимоотношений между ранее самодостаточными и относительно закрытыми территориальными образованиями — городами, регионами, государствами. Локальности всех видов перестали быть закрытыми образованиями, их функционирование стало зависеть от событий, происходящих далеко за пределами их собственной территории. Это касается всех аспектов деятельности локального образования — экономики, политики, культуры, экологии и т. д. В своей деятельности локальности вышли за рамки своей территории и получили возможность действовать уже на уровне мировой политики, торговли — на транслокальном уровне. В их функционирование активно включились представители других локальностей — мигранты, бизнесмены, туристы и т. д.

Автомобили, скоростные поезда, самолеты, телевидение, спутниковая и сотовая связь, Интернет — все это вместе взятое привело к качественно новым возможностям для коммуникации между людьми, группами, и всеми видами локальностей, вне зависимости от их территориального расположения относительно друг друга. По словам Э. Гидденса это выразилось в «вырывании социальных отношений из локального контекста взаимодействия и их реконструкции, минуя пространство и время» [4. С. 21].

Это привело к принципиальной трансформации отношений между местом, где мы физически

живем и нашими культурными, социальными практиками, опытом и идентичностью [2. С. 106–150]. Несколько ученых предложили схожие термины для определения данной ситуации – «*detrterritorialization*» (Аппадурай, Лул, Фезерстоун, Робинс, Латош), «*delocalization*» (Томпсон), «*displacement*» (Гидденс). Э. Гидденс, внесший наиболее существенный вклад в анализ изменений пространственно-временных отношений, считает, что именно расширение социальных практик во времени и пространстве, преодоление территориальной ограниченности является фундаментальной характеристикой современного мира [4. С. 186].

Трансформация в измерении времени, или как называет это Э. Гидденс «опустошение времени» (т. е. абстрактность его измерения), привела и к «опустошению пространства», что в свою очередь выразилось в «разделении пространства (*space*) и места (*place*)». В повседневном общении мы не разделяем данные понятия и используем их как синонимы. Однако их отличие становится более понятным при рассмотрении места как «*locale*» (место действия) – термин используемый Э. Гидденсом. «Место действия» – это «физическое окружение социальной активности» [4. С. 18]. Таким местом действия может быть что угодно – от конкретной комнаты до территориальных границ государства. Гидденс утверждает, что в обществах премодерна пространство и место совпадали, т. к. непосредственное межличностное общение было доминирующим в социальной жизни подавляющего большинства людей. Таким образом, для премодерна место действия (дом, улица, деревня, город) – это географически четко локализованный контекст практически всех социальных взаимодействий. Очевидно, что такое доминирующее положение ограниченности социального взаимодействия рамками конкретной географической территории (местом) объясняется тем, что большинство людей просто не имели возможности выйти за рамки этой территории (транспортная и медийная ограниченность). В эпоху модерна происходит размежевание пространства и места взаимодействия. Становятся возможны отношения на расстоянии, отношения между людьми, которые не связаны единым физическим местом взаимодействия. Сегодня мы наблюдаем «выведение» («*disembedding*», термин Э. Гидденса) социального взаимодействия из рамок локального контекста. Современная жизнь, утверждает Гидденс, характеризуется расширением нашего опыта пространства и времени, процессом, который он назвал пространственно-временная дистанцированность. Социальные отношения становятся «растянутыми» (*stretched*) во всех своих формах во времени и пространстве, преодоление территориальной ограниченности является фундаментальной характеристикой современного мира [4. С. 186].

Другой признанный теоретик пространственно-временной трансформации, американский географ и социальный антрополог Дэвид Харвей

предложил несколько отличающуюся от Энтони Гидденса трактовку современных процессов. Э. Гидденс разводит понятия времени и пространства. Д. Харвей же утверждает, что объективизация и универсализация концепции пространства и времени позволили времени упразднить пространство [5, 6]. Он называет этот процесс пространственно-временной компрессией, когда время реорганизуется таким способом, что снижает значение пространства, и наоборот. Пространственно-временная компрессия представляет сокращение времени и сжатие пространства. Время необходимое для совершения интеракции сокращается, что приводит к сокращению дистанции между двумя точками в пространстве. Таким образом, можно утверждать, что если люди в разных городах одновременно испытывают или делают то же самое (смотрят одну и ту же программу по телевизору, разговаривают друг с другом по телефону), то они, в сущности, находятся в одном месте – пространство упраздняется благодаря компрессии времени. Д. Харвей иллюстрирует этот процесс схемами, которые отображают 4 карты мира в разное время – каждая из них меньше предыдущей, в зависимости от изменения времени, тратящегося на транспортировку. Мир 1960-х представляет около 1/5 мира XVI в., что объясняется тем, что самолет движется примерно в 5 раз быстрее корабля. Согласно концепции Д. Харвея о пространственно-временной компрессии пространственные дистанции в социальных отношениях становятся неважными. С нашей точки зрения идея Д. Харвея о пространственно-временной компрессии более ясно характеризует современные социальные отношения, нежели термины Э. Гидденса «растянутость» и «дистанцированность». Однако принципиальной разницы в теориях данных ученых нет, речь идет, с нашей точки зрения, только о несколько неудачном выборе Э. Гидденсом терминов.

Известный британский ученый Дэвид Хэлд и его соавторы указывают 4 основных процесса, которые характеризуют новую систему социального взаимодействия: пространственное расширение социальных отношений; увеличение интенсивности обмена; ускорение глобальных потоков; взаимозависимость [7].

Продолжая тему пространственно-временной компрессии и изменения состояния мира как совокупности относительно автономных локальностей, хотелось бы выделить две несколько различных характеристики современного мира. Современный мир характеризуется с одной стороны всеобщей взаимосвязанностью, а с другой стороны близостью. Под взаимосвязанностью подразумевается тот факт, что благодаря современным средствам связи (как транспортным коммуникациям, так и электронным средствам связи) люди и различного рода разделенные в пространстве локальности оказались «связанными» между собой. Широкая сеть транспортного сообщения сделала возможным пе-

ремещение из любой точки земного шара в любую другую за минимальный промежуток времени. Еще большие возможности (практически неограниченные) в этом плане дают электронные средства связи, которые после запуска спутника и развития спутниковой связи, покрывают и связывают в единую сеть всю территорию земного шара. При этом если несколько лет назад единицами связи были дома, квартиры, офисы и т. д., то после повсеместного распространения мобильных телефонов такая глобальная взаимосвязанность появилась на уровне отдельного человека. Транспортная сеть может рассматриваться как физический аспект взаимосвязанности (дороги, морские и воздушные пути представляют собой реальные «нити», которые связывают различные территории). Электронные средства — как абстрактные «нити», т. к. сотовая, спутниковая связь не предполагают наличия никаких «физических» проводов и кабелей между людьми, вступающими в коммуникацию. Отсутствие этой зависимости от физического пространства, абстрактность связи, является еще одной ключевой характеристикой, отличающей современный мир от того, что было 20–30 лет назад. Раньше связь (в частности телефонная) во многом ограничивалась длиной телефонного кабеля и возможностью проложить такой кабель (или сеть кабелей) от одной точки до другой. Таким образом «взаимосвязанность» характеризует наличие широкого спектра скоростных каналов связи между локальностями, разрушающего их физическую пространственную отдаленность.

Состояние близости как характеристика современного мира является следствием взаимосвязанности. Эта характеристика отражается в идеях «глобальной деревни» М. Маклюэна, «сжимании мира» Д. Харвея, «растягивании» социальных отношений у Э. Гидденса и осознании мира как единого целого у Р. Робертсона и М. Фезерстоуна. Говоря о близости, необходимо учитывать, что локальности стали ближе друг к другу в особом плане. Реальное физическое расстояние между людьми и локальностями никуда не исчезло, между г. Томском и Копенгагеном как было около 5000 км несколько веков назад, так и осталось в современном мире. Только люди в современном мире ощущают это расстояние по-другому, или не ощущают его вообще. Состояние близости можно рассмотреть с двух сторон. С одной стороны, это включение в нашу повседневную локальную жизнь имиджей и практик из других локальностей. В основном это происходит двумя путями — через повседневное рутинное использование СМИ и через потребительские товары. Благодаря СМИ мы в одинаковой степени знаем, что происходит в соседнем городе и на другом континенте (часто о первом мы осведомлены даже меньше, чем о втором). Люди сопереживают событиям, происходящим далеко от них и напрямую с ними не связанными, как бы они сопереживали, если бы лично знали участников этих событий.

Большинство товаров, которые мы используем в своей повседневной жизни, полностью или частично произведены в других городах, странах, континентах или отражают социально-культурные элементы других локальностей (типа кока-колы, произведенной на местном заводе). С другой стороны, близость — это достаточно высокая степень зависимости нашей локальной повседневной жизни от событий, происходящих далеко от нас. Рост цен на бензин на местной бензозаправке как следствие войны в Ираке и повышения мировых цен на нефть, угроза для жителей Германии остаться без тепла из-за усложнения отношений между Россией и Украиной и риска срыва транзита газа и др. Говоря о глобализации как долгом историческом процессе, Р. Робертсон подчеркивает, что отличительной особенностью современного этапа глобализации является именно это осознание людьми близости и ощущения мира «как единого пространства» [8].

Очевидно, что такая кардинальная трансформация мира произошла не за несколько лет. Последние 20–30 лет назад изменения были наиболее интенсивные и кардинальные, однако предпосылки формирования контуров современного мира, детерриторизационных процессов и глобальной взаимозависимости имеют несколько более дальние исторические корни. Некоторые теоретики даже считают, что современная ситуация вообще не является чем-то уникальным, а представляет собой логическое продолжение давно идущих процессов. В частности И. Уоллерстайн в принципе не признает феномен глобализации. Другие ученые утверждают, что глобализация началась со времен великих географических открытий или даже раньше (Р. Робертсон, Г. Тербон). Мы придерживаемся той позиции, что глобализация является исключительно феноменом современного мира, т. к. возможности людей по преодолению территориальных границ и расстояний, уровень мировой взаимозависимости принципиально отличаются от того, что было 20–30 лет назад. Однако с целью демонстрации постепенного преодоления замкнутых границ локальностей и формирования глобальной взаимозависимости считаем нужным привести одну из классификаций развития процесса глобализации. Горан Тербон, известный шведский социолог, исследователь глобализационных процессов выделяет 6 волн глобализации [9. С. 158–166].

Первую волну Г. Тербон связывает со временем распространения мировых религий и формирования трансконтинентальной цивилизации в период IV–VII вв. В это время сформировались и распространились по миру основные религии — христианство, буддизм, индуизм и ислам. Религия утвердилась именно как транслокальное явление. Наряду с глобализационными тенденциями распространение религии привело и к обратным процессам, регионы в рамках одной религии стали более консолидированы между собой, но отстроены от других религий.

Вторая волна была вызвана европейскими завоевательными походами, которые начались в конце XV в. с открытий Колумба и продолжались более столетия через нидерландские, британские и французские походы. Этот период связан с небывалым развитием трансконтинентальной торговли, миграции на новые земли, культурным империализмом европейских метрополий.

Третья волна была в большей степени связана с внутриевропейскими войнами, вовлекшими в них все остальные континенты. Наполеоновские войны также вызвали небывалое движение населения и смешение культур.

Четвертая волна глобализации связана с европейским империализмом и продолжалась с середины XIX в. по 1918 г. Эта волна была поддержана масштабной торговлей, добровольной массовой трансконтинентальной миграцией, а также развитием новых более быстрых средств коммуникации и транспорта. Утвердился мировой рынок, поддержанный введением золотого стандарта в мировой финансовой системе. Первая мировая война и последующие события вовлекли в мировое взаимодействие все континенты и страны мира. После войны были учреждены первые мировые наднациональные органы – Лига Наций и Международная Организация Труда, а также ряд общемировых стандартов, норм и правил. После войны был определен период «деглобализации» – сокращение мировой торговли, отход от золотого стандарта в национальном валютном регулировании, национальный и этнический партикуляризм.

Вторая мировая война, согласно периодизации Г. Тербона, вызвала новую волну глобализации. После войны снова последовал мирный этап глобализации, характеризующийся учреждением ООН и соответствующих специализированных организаций, Нюрнбергского трибунала, Всемирной Декларации прав человека и др.

Пятая волна глобализации развивалась после окончания войны. Транспортные и коммуникационные издержки значительно снизились, интенсивность мировой торговли опять невероятно возросла. Однако основной вклад внесла Холодная война, вовлекшая в дуалистическое идеологическое противостояние практически все страны мира, что способствовало значительной консолидации государств на почве общей идеологии и врага, а также развитию интенсивных социально-культурных и экономических коммуникаций между странами блоков.

Современность представляет собой шестую волну глобализации. По мнению Г. Тербона, современную волну характеризует масштабная глобализация культуры и экономики. После установления Бреттонвудской валютной системы объем мировой торговли, инвестиций и международных финансовых операций возрос в несколько раз. Массовая интерконтинентальная и интернациональная миграция не только приняла небывалые масштабы, но и дей-

ствует во всех направлениях. Спутниковое вещание, мировые телевизионные сети типа CNN сделали глобальное распространение информации абсолютно реальным. Другим принципиально важным изобретением стал Интернет, спутниковая и сотовая связь. Еще одной важным культурным феноменом шестой волны глобализации является формирования действительно международного и глобального языка общения, каким стал английский.

Однако за пределами культуры и мировой торгово-финансовой сферы глобализация за время шестой волны не продвинулась дальше, считает Г. Тербон. Окончание Холодной войны сменялось этапом деглобализации политических процессов. Несмотря на развитие международных правительственных и неправительственных организаций, мир еще очень далек от формирования единого глобального гражданского общества.

Первое время для характеристики новых процессов, для указания на их транслокальный статус использовались понятия «международный», «интернациональный». Однако данные понятия не несут в себе смысл преодоления границ, ограниченности действия рамками конкретной территории. Как пишет В. Толстых, «если интернационализацию можно определить как процесс интенсификации международных связей и обменов, то глобализация характеризует перерастание этого процесса в становление целостного (интегрального) мира, в рамках которого отдельные общества, страны и регионы все больше приобретают черты частей целого» [10. С. 378]. Более того, они сводят значение ограниченности территории лишь к одному из возможных видов локальностей – государство-нация. Для обозначения этого качественно нового феномена неограниченности действия, опыта, явления, процесса рамками конкретной локальной территории было необходимо новое понятие, каким стало «глобальное». Несомненно, само слово «глобальное» (точнее его англоязычный оригинал *«global»*) не является новым словом, ему уже более 400 лет, однако в научный дискурс термин «глобальное» включается лишь в середине 1960-х гг., когда В. Мур ввел в оборот термин «глобальная социология», а М. Макклэун – термин «глобальная деревня». Однако, как утверждает Р. Робертсон, в научном дискурсе данный термин и производные от него закрепились лишь с середины 1980-х., когда научную значимость принял сам концепт «глобализация». При этом включение в научный дискурс понятия «глобальное» изначально произошло в его неотъемлемой взаимосвязанности с понятием «локальное». На настоящий момент исследования, связанные с глобализационными процессами являются одними из наиболее популярных.

Дихотомия глобальное/локальное, призванная характеризовать пространственные характеристики современного социального взаимодействия и являющаяся основой для концепции «глобализации», до сих пор остается недостаточно отрефлек-

сированной. По причине неотрефлексированности данной дихотомии в рамках философского дискурса, каждый из авторов трактует эти понятия по своему усмотрению, что иногда приводит к совершенно противоположному пониманию отношений между глобальным и локальным. По словам одного из ключевых теоретиков глобализации Р. Робертсона, в отношениях глобального и локального «одни не видят никакой оппозиционности, другие рассматривают второе как реакцию на первое... тогда как для всех остальных они вообще несовмести-

мы». Проведенный нами анализ причин и контекста формирования дихотомии показывает, что «локальное» и «глобальное» не оппозиционны, а являются неотъемлемой частью друг друга, они взаимообусловлены и взаимодополняемы. Именно вследствие изменений условий функционирования «локального» появляется «глобальное», и именно в рамках «глобального» существует на настоящий момент любое «локальное». Люди, их дома по-прежнему физически «локальны», при этом социальные практики становятся «глобальными».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации // Проблемы теоретической социологии. – 2003. – № 4. [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/ivanov_3.shtml
2. Tomlison J. Globalization and Culture. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – 238 p.
3. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis, 1996. – 230 p.
4. Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity in association with Blackwell, 1990. – 186 p.
5. Waters M. Globalization. – L. and N.Y.: Routledge, 1995. – 185 p.
6. Jones A. Dictionary of Globalization. – Cambridge: Polity, 2006. – 258 p.
7. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations. – Cambridge: Polity, 1999.
8. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity – Heterogeneity // Global Modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 25–44.
9. Therborn G. Globalizations. Dimensions, historical waves, regional effects, normative governance // International Sociology. – 2000. – V. 15(2). – June. – P. 151–179.
10. Мазур И.И., Чумаков А.Н. Глобалистика. Энциклопедия. – М.: Диалог, 2003. – 1328 с.

Поступила 23.10.2006 г.

УДК 159.901

ОСОБЕННОСТИ И БАРЬЕРЫ НЕПОНИМАНИЯ В ПРОЦЕССАХ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СМЫСЛОВ

Л.В. Шабанов

Томский государственный университет
E-mail: JcWind@yandex.ru

Рассмотрен феномен перехода смысла метафоры в адиафору. Анализ проблемы дается на примерах бытовой линии общения и в научном объяснительном поле, исходя из контекста качества человеческой деятельности в условиях, когда метафоры превращаются в малопонятную игру словами.

Метафора часто становится причиной коммуникативных барьеров. Особенно эта проблема заметна внутри гуманитарной области науки, где сегодня мы можем четко проследить оппозицию метафор, как своеобразных маркеров, обозначающих изменения качеств человеческой деятельности в условиях ускользающей социальности постоянно изменяющегося мира, и терминов категориального аппарата, которые часто довлеют над исследователями, сужая рамки описательного поля эксперимента заостренной четкостью жестко выверенных определений. Начало III тысячелетия в российской научной среде ознаменовалось выходом в среднее научное («доцентское») звено постсоветского поколения молодых ученых, что безусловно вызвало методологиче-

ские трения между представителями «старой» и «новой» научных школ [1]. Внутри гуманитарных наук до сих пор ведутся споры, которые можно было бы условно разделить на три направления:

- **классическое**, которое рассматривает, в какой мере нужно использовать «точные» методы, повсеместное внедрение которых давно стало свершившимся фактом. Представители классической научной школы считают, что исследования возможны только по факту свершившегося феномена, даже опыт исследования формирования новых образований должен изучаться «по факту» [2];
- **неклассическое** (или постклассическое), которое допускает склонности в исследованиях та-